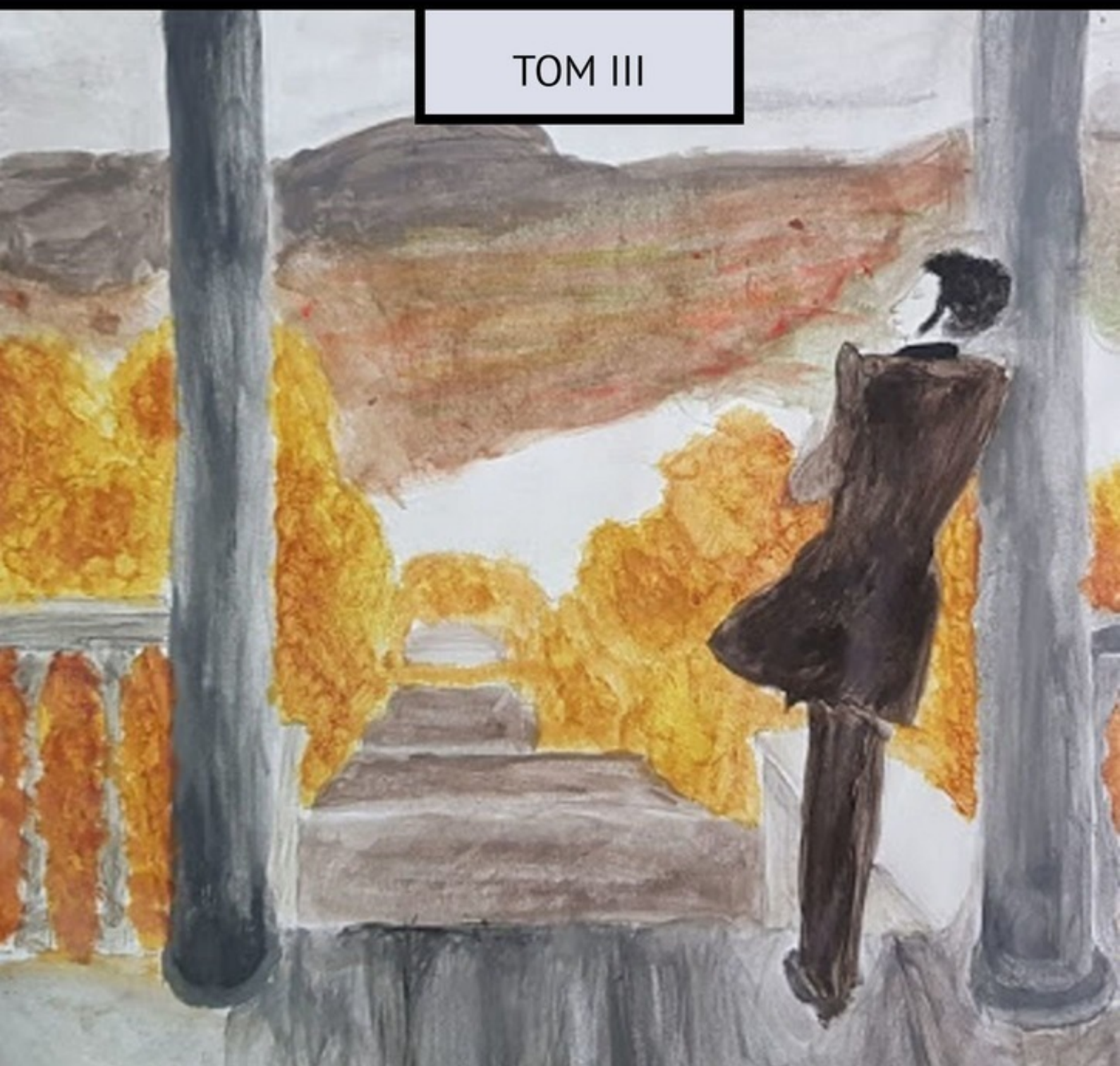

ВЛАДИМИР ЛЕОНОВ

«...Так исчезают заблуждения»

ТОМ III

Владимир Леонов
**«...Так исчезают
заблуждения». Том III**

«Издательские решения»

Леонов В.

«...Так исчезают заблуждения». Том III / В. Леонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516459-9

Пронзительный стиль, свежие красочные метафоры, необычные сравнения — все в книгах направлено на приобщение читателя к Прекрасному, Величественному, русской литературе и слову. Книги продолжают традиции бесед о русских классиках, интуитивно понявших национальную душу и создавших для своего главного Читателя, Русского человека, образ доброты и милосердия, объемный образ легендарной Руси, которая расправила плечи и набрала силу. Книги рассчитаны на учителей, школьников и ценителей русского слова

ISBN 978-5-00-516459-9

© Леонов В.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава «И долго буду тем любезен я...»	8
Глава «И жалкое рубище сбросив...»	13
Глава. Он царил над куполам Руси	15
Глава. Он защищал цивилизацию	16
Глава. «И это все о нем!?»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

«...Так исчезают заблуждения» Том III

Владимир Леонов

Редактор Татьяна Пономаренко

Дизайнер обложки Владимир Леонов

© Владимир Леонов, 2020

© Владимир Леонов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6459-9 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-6060-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

*Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения Ума Священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превьшие звезд влечет меня охота
И облаком нестись, презрев земную низкость.*

С. С. Пушкин

Я хочу рассказывать о том, как я понял, что Пушкин гениален. Раньше я принимал на веру слова о том, что Пушкин – выдающийся поэт. Фразы «Русский Аполлон» и «Родоначальник русского слова!» были почти пустым звуком.

А выражение «Солнце русской поэзии» и вовсе звучало каким-то сленгом потусторонних сил.

Но однажды я прочитал: *«но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал».*

И он стал для меня – славный мирянин России, ее поэтический пророк, вечно присутствующий в нашей жизни!

В начале XIX весь мир узнал о существовании такого явления, как Русская Поэзия.

А незадолго до этого ее для себя открыли сами русские. Открыли в Пушкине и через Пушкина. Именно он начал расчищать поновления, темные слои на древнем языке русичей, снимать с него потемневшие и запыленные оклады.

И он не просто повторял образы, песнопения и язык пращуров. Он сделал все, чтобы показать внеземную природу русского слова. С его безграничной любовью и готовностью все понять, все простить и вечно просить за нас.

Пушкин интуитивно это понял и создал для своего главного читателя, Русского человека, образ главного архитектора его мира, Державы по имени Россия.

В его поэтических аккордах все смеси и лики бытия Отчизны. Глубокая продуманность, опирающаяся на вековые культовые традиции, учет патриотических чувств соотечественников, отражение многообразности психологических особенностей и заостренность неизбежного, природного эмоционального колорита.

Здесь и возвышенная одухотворенность, которую мы видим в «Святой Троице» Рублева. И величественные, торжественные образы, красивые лица и статные позы, смотрящие на нас с иконы «Ангела Златые Власа» и конкретные святые на иконах Дионисия,

Строгая поэтическая лаконичность внезапно сменяется детализацией и подробностью. Минимум фигур – и здесь наплывает толпа. Единое круговое пространство разбивается на временные уровни. Все сильно усложняется, но становится гораздо более занимательным в плане сюжета и деталей.

Тут и ангелы вокруг Христа. И разнообразные демоны в Аду. А ещё пестрая толпа мирян рядом со святыми.

И главный скреп государственности – князь, царь и его приближенные знатные люди. Они хотят увековечить торжественность происходящего. Ведь Русь расправляет плечи, набирает силу. И здесь сходятся все царства:

Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив!

А. С. Пушкин

Пушкин применил в поэзии античное наследие. Ещё древние греки заметили, как оживает образ, если добавить в него легкой улыбки и радостных глаз.

И вот такое сочетание радостных глаз и улыбки создаёт невероятное ощущение лёгкого, радостного восприятия мира. Это мы знаем благодаря сохранившимся фаюмским портретам.

Так и наплывает образ Пушкина, очень мудрого человека с живыми и ясными глазами. Они наполнены пониманием чего-то запредельного, недоступного обычному человеку.

Любящего Вас, сочувствующего Вам и вечно просящего за Вас Александра Сергеевича. В авторском прочтении: *«Да здравствует, процветает, да будет сильным и побеждает, вечно живет и годы Русь!»*

И русские осознали невероятное, какими сокровищами они владеют!

«...Русские не подозревают, какими художественными богатствами они владеют. Всюду та же яркость и проявление большой силы чувства...» (А. Матисс).

Воздействие самой личности Пушкина на нас, современников, настолько велико, что не уступает доминанте его поэзии. По сути, смыслу и ценности Пушкин стал для нас духовным властелином, который на глазах у изумленных современников создавал идею будущего, владея потрясающими знаниями о Руси древней и Россией своего времени.

Глава «И долго буду тем любезен я...»

В его поэзии было много букв, но еще больше смысла. Только самая суть. Выстроенная так, чтобы Читатель сам загорелся изучить и воспринять то, что нужно именно Ему. Подробности, детали, сюжеты. Соборность и державность. Эпохи и нравы гигантского легендарного Отечества. Светскость и яркость быта.

Пышность барокко и невероятный реализм. Святость, простота и объемность Державы. Модель служивого общества с характерной иерархией социальных слоев:

«Властью, которую он применяет (*Василий III- авт.*) по отношению к своим поданным, он легко превосходит всех монархов всего мира» —

Герберштейн С. Записки о московитских делах

Сочинял вибрирующими словами и звуками. Они словно плыли в высоте, в поднебесье. При этом поэт почти не делает различий между фоном и героями. Все соткано как бы из единой материи.

Пушкин не просто показал атмосферу и лиц. А то, что видят те, кого он описывает!

А видят они это нашими глазами. Ведь мы все едины в потоке времени.

Оттуда, из инобытия, льётся в стихах яркий свет. Там наш мир продолжается.

Два мира: тот, что в поэтической ноте, и наш мир, реальный, повседневный соединены происходящим в поэтике. Как в «Менинах» Веласкеса. Творение Пушкина- это портал между двумя мирами, нескончаемый проход нашей души по безмерной Лете.

Так поэт изумительно соединяет наш мир со своим.

Закольцевал эпоху и время.

Петля времени – это что – то невообразимое! Она отталкивает и притягивает.

Именно так будут писать 50 лет спустя Тютчев, Фет, а затем и Блок и поэты «серебряного века».

Мы теперь понимаем, почему поэты в XIX веке так боготворили ЕГО. Они только начинали, а Пушкин уже давно все сделал...

Еще при жизни поэта развернулась ожесточенная схватка цензуры и литературы. Последнее победило. Пушкин Но это была НЕ абсолютная победа. Эта битва сказалась на судьбе и поэта и его произведений. Он вышел из нее не паяцем и не жонглером. Он был лук, он не был розой.

Это Зевс и Юпитер. Это классика. Это великий мастер. Это священное искусство.

А представьте, как много людей во времена Пушкина жаждали его поэзию изменить и ... даже уничтожить:

«*Страшный суд*» Микеланджело должен украшать не Сикстинскую капеллу, а общественную баню!»

Такова была реакция церемониймейстера Папы Римского, Бьяджо да Чезена, современника Микеланджело.

И порывы Бенкендорфа, современника Пушкина, главы жандармерии, близкие к приведенному историческому примеру разделяло немало влиятельных персон.

Потому что Пушкин сочинял невероятно мастерски. За пределами мирских состояний и понимания. А ещё он очень хотел, чтобы его поэзия шла в массы, пришел век массовой культуры. Чтобы сменить век элитаризма – «культура только для избранных», для тех, кто владеет властью и деньгами – на век эгалитаризма, равенства в доступе.

Поэтому его слова и лира перевернули всё. Обескураженность. Изумление. Культурный шок!

Вдруг русские осознали, что не подозревали, какими художественными богатствами они владеют, что у их культуры... есть ИСТОРИЯ!

Не белое пятно с примитивными парсунами А ИСТОРИЯ, долгая и вымученная, но своя, до боли, до крика, до крови в зраке! Со своими художественными идеалами.

Россия была поражена! Невероятным, что теперь русский стих стоит дороже, чем даже шедевры Фра Анджелико, высокоманерного мастера Раннего Возрождения.

В одночасье русские поэты стали такими знаменитыми, как выдающиеся мастера лиры европейского Возрождения.

И сам мир захотел говорить на новом языке, русском. Эпоха кринолинов, париков и виньеток была сметена строгой (но до минимализма), простой и чистой (а здесь до максимализма) соразмерностью слова, смысла, фонетики.

Оказалось, что нам, русским есть, на что опереться! Есть, чем гордиться! И есть, на чем строить культуру, поэзию и прозу будущего!

Пушкин стал как буква алфавита русского. Как атом молекулы. Буква или атом, из которого складывается наш мир четких, простых национальных мыслей, суждений.

И становится понятным, почему поэт гений, а его стихи шедевры. Невозможно Пушкина и поэзию его оценить сами по себе. Только вместе с тем пространством, которому он служил и служит теперь.

Человек был для него тайной. Он ее разгадывал, разгадывал всю жизнь и не говорил, что потерял жизнь, ибо всегда хотел быть человеком, всегда заниматься этим таинством.

Он шел к вершинам, чтобы взять, а когда брал – раздавал. И душу не лечил, чтобы болела. Да, над ним кружило воронье, но укрыться от них – это было не его.

И смерти не боялся, она бодрила его. И верил, чтобы простить и найти. И был против ветра, чтобы тот утих.

И манерным не был, жесты и выражения – не наигранные, нес в себе простоту и искренность «Мадонны Конестабиле» Рафаэля.

Он смотрел всегда в даль, чтоб не забыть. А мыслил, чтоб понять и жить среди людей, для людей.

Не хотел быть бесцветной креветкой. Не лебезил, и клеветничество было омерзительным для него. Не мельтешил, под ногами идущих не путался. Угодничеством не отмечен, услужливый привратник не уживался в душе гордой.

Тогда честь была важнее жизни и для Пушкина также.

Сильный, выносливый и раскованный, поэтический вольноотпущенник. Стихи мерцают, изнутри свет наплывающий делает их живыми и гордыми, будто красавица «Эритрейская сивилла» Микеланджело смотрит на читателя.

Его стих не забудешь. Это просто невозможно!

Никому из поэтов не удавалось проникнуть так глубоко в состояние души человека и описать его **ТАК РЕАЛИСТИЧНО. ТАК ПРОНЗИТЕЛЬНО!** Однажды это смог сделать только один человек, ранее на 200 лет до Пушкина

Рембрандт. В своем шедевре – картине «*Лукреция*». Римлянка, трагическая смерть которой потрясла устои Рима. Рим свергнул царя. Рим стал республикой!

Это история о том, как одна лира может быть громче всех голосов эпохи. Изумлять и колебать ярые убежденности. Поражать смелостью. Стать окном в инобытие, хотя держать себя в настоящем.

Пушкин смог туда заглянуть и показать нам ее, создать инобытийную красоту Жизни, той, которой так хочется прожить, и которая воздействует сильнее самых громкоголосых аргументов и доводов.

«Поэтический Андрей Рублев», ибо он смог состояние Блага, естественного для человека, свободного от суеты и тревог, передать поэтическим Образом:

*Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать...
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...*

В творчестве Пушкина чувствуется нечто вулканическое, чудесное сочетание страстности и мудрости, чарующей любви к жизни и резкого осуждения ее пошлости, его трогательная нежность не боялась сатирической улыбки, и весь он – «чудо» – родоначальник русской литературы XX века М. Горький так писал о родоначальнике русской литературы XIX века А. Пушкине.

Пушкин – явление «русского чуда», «чудо чудное», «диво дивное», «божий дар», дар небес в одном измерении и в другом измерении – дар земной, дар истории предков, шестисотлетнего рода Пушкиных, «приложивших руку» к созданию Государства Российского (избранию первого царя из рода Романовых) и всегда державшихся независимо по отношению к его правителям (за что не раз попадали в немилость), и проявляющих свое собственное вольнолюбие и независимость; в общем и целом – Пушкин как явление новорожденное для России.

Нет России без ее великих патриотов. Нет России без ее великих властителей дум. То и другое вместе – явление русского духа, имя которого – Пушкин. Сродни духовному началу – Национальной идее: **«Мое имя принадлежит России».**

Его всегда волновали Русская Земля и Русский Человек. «Страшные загадки русской души...». И воспринимал, и вмещал в своем сознании далекую древность и современность России, все поведение и умонастроение Великого народа: «Ведь он русский: стало быть, ему все под силу, все возможно!»..

Откровенный вызов царю, не прирученный и не льстивый, никогда не дающий себя в обиду, слишком самостоятельный, слишком своевольный, даже в чем-то бунтарь. Без страхов, лакейства и компромиссов «среди детей ничтожных мира».

Объяснение этого феномена кроется не в шаманском гнозисе, не в экстатическом растворении личности в угоду времени и эпохе, оно – в сакраментальной, смысловой содержательности утверждения Гете: «*Чтобы что-то создать, надо чем-то быть*».

Этим объясняется нравственный вектор Пушкина в России – в сакральности его духа, в жажде независимости, цельности и негибамости этого желания. В вызове приниженности, униженности, прирученности, раболепию.

Трагическая судьба поэта и гражданина, этическим императивом которого был долг «милость к падшим приывать». Но прежде всего личность Пушкина – это моральная парадигма, образец свободы и смелости, бескомпромиссности: славить Свободу и в этом находит счастье. Он не угодничал и не мельтешил у трона, не путался под ногами у «сильных мира сего». Напротив, Пушкин восставал, бунтовал против этой слепой и бездушной зависимости от политики и власти, – в образном выражении поэта – от «ливреи», – а в чем-то и от народа, нередко ждущего от творца призывов, лозунгов и пророчеств.

А Пушкин хотел следовать своим сокровенным чувствам, а не отзываться на прихоти и ожидания вельмож и народа льстивыми одами. Ему дороги были «лучшие права» и «потребна» другая свобода:

*Зависеть от царя, зависеть от народа-
Не все ли равно? Бог и нами.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи*

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Да, Пушкин не хотел тратить свой гений на суетные и корыстные дела вокруг трона. Он подпитывался от Ломоносова, про которого написал, что Ломоносов «*не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей*». А ответ Ломоносова влиятельному сановнику И. И. Шувалову привел Пушкина в восхищение «*Я, ваше превосходительство, но только у вельмож, но ниже у Господа моего Бога дураком быть не хочу*». Впоследствии Пушкин не редко приводил слова Ломоносова, чтобы ясно выразить свою позицию.

Будучи властителем дум и душ, Пушкин явил образец независимости. Будучи человеком, Пушкин был «рабом, прикованным к тачке», именно у нее, власти, он просил снисхождения своим «друзьям- декабристам», в этом он видел императив гражданского долга, совести и подспудно берящей его вины. Он не мог помешать казни пятерых декабристов, но он уговаривал, уговаривал многократно Николая I амнистировать сосланных. Он взывал к милосердию царя в стихотворениях «Стансы», «Пир Петра Первого». А в «Капитанской дочке» описывал благородные поступки... И спустя время он понял всю иллюзию своих надежд на справедливого правителя. Свои муки, свое разочарование во власти и свое прозрение к ней он вылил огненной испепеляющей фразой:

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу.*

Видимо, Пушкин уже осознавал, что смысл и цель всякой власти, в том числе и императорской в России, – постоянное воспроизводство и упрочение несправедливости, раболепия и наживы.

Спустя век, прорываясь через плен «пушкинской грусти», Мандельштам усилит вулканический выброс:

*Власть отвратительна,
Как рука брадобрея*

Только в одном Пушкин допустил исключение – он готов был «гнуть шею» перед монархом за друзей-декабристов, просить о помиловании, проявить милосердие... и до конца земных дней своих мучился от чувства вины перед ними, повешенными и сосланными. Оно ушло от него вместе с уходом из земного бытия.

В прозе Пушкин вывел образцовое правило, как следует писать: «просто, кратко и ясно». Его непревзойденная «Пиковая дама» всего лишь 25 страниц, повесть «Дубровский» – 69, а масштабная по содержанию «Капитанская дочка» – всего лишь 109 страниц. Пушкин первым начал строить удобные для чтения предложения – на глубину человеческого дыхания. И давать звучные названия своим произведениям: «Медный всадник», «Арап Петра Великого», «Евгений Онегин».

Жизнь и творчество национального поэта, сделавшего русский язык ошеломляющим чудом, костром исповеди и любви. Понять и рассмотреть за привычным штампом... мигом «мятежного наслаждения», «пыла сердечных ран» подлинное состояние его чувств и настроений:

*Клянц коварные стремления
Преступной юности моей...*

Мне тяжело, как смутное похмелье.

Привычный штамп и хрестоматийный глянец, без мифологии, сакрального культа со своими неизбежными ошибками восприятия. Представить его воодушевленным, неистовым и в то же время простым и понятным со своими глубинными чувствами и тайнами характера, ума, завораживающие глубиной гения

Его лирика была главный бастион жизненной автаркии.

«До капли наслажденье пей, / Живи беспечен, равнодушен! / Мгновенью жизни будь послушен, / Будь молод в юности твоей!»

Пушкин нужен нам и дорог, как и Россия, где бы русский человек ни жил – в России или за ее пределами. Никто не знает своей судьбы, как и не знал великий поэт. Главное – надо знать и помнить, что мы – православные, что Россия – великая страна, коль бог ей посылает таких поэтов: *«Встань, Пророк, и виждь, и внемли, / Исполнишь волею Моей, / И обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей!»*.

Пушкин и потому классик, что он во все времена современен и актуален.

Русская стихия мощно зарокотала в слове Пушкина. И великая тайна его творчества приоткрывается, лишь тогда, когда понимаешь, что творчество это было соприкосновением с Солнцем, Небом, Творцом.

Если бы сегодня мы говорили языком Пушкина, это была бы другая страна, без оболванивания иноземной интервенцией: «таргетирований», «аутсорсинга», «рекрутинга», «банкинга», «дайвинга», «яхтинга», «шопинга», «лифтинга», «олигаргат»

На каждом новом историческом этапе подтверждаются слова, сказанные И. А. Гончаровым: *«...Пушкин – отец, родоначальник русского искусства, как Ломоносов – отец науки в России. В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках»*.

Глава «И жалкое рубище сбросив...»

*Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.*

(Пушкин о Жуковском. А разве не о себе!?)

Всмотревшись в свою жизнь честно и и непринужденно, я ужаснулся, увидев глубину своего заблуждения. Страх сковал меня! Неужели весь мир обратился в погоню за удовольствием и максимальной материальностью. «*Похоть плоти, похоть очей и гордость житейская*» (библ.) – неужели только эти силы главенствуют в сознании большинства людей. Возможно ли, что они сжигают на жертвеннике своих порочных желаний больше средств, чем они жертвуют на милосердие... и жертвуют ли в принципе? И может их души уже на цветущие поляны, а «*были распаханы, как поле*»?

Казалось, невозможным было проделать работу по переоценке ценностей, познанию себя и «*выйти из среды их и отдалиться ...и не прикасаться*» (библ.); вырваться из отупляющей действительности, мира вульгарности, бесполезных и вредных занятий, очистить себя от гламурной накипи. Произвести обновление своей «внутренней цивилизации», впитав в себя яркий свет Жизни...:

Два мира есть во мне:
мир Христа и мир Мамоны,
мир Спасителя и мир Сатаны:
Как мне вместиться в них». —

Мудрость времени.

И вдруг, я почувствовал чье – то невидимое присутствие! Какая -то сила прикоснулась ко мне, и я понял – Возможно все!... раскрыть новый мир мыслей и чувств, передающих и состояние земной завороченности и близко физическому восприятие жизненного самозабвения. Еще в Библии сказано: «*Дух веет, где хочет*»:

Богами вам ещё даны
Златые дни, златые ночи,..
Играйте, пойте, о друзья!...
И вашей радости беспечной
Сквозь слёзы улыбнуся я.

И, как пушкинский Вальсингам, герой «Пира во время чумы», обрел «неизъяснимые наслажденья» от общения с поэзией согражданина, пламенные стихи которого выказывают любовь к жизни, дышат «настоящим», «счастливым днем», не упоминают о скоротечности жизни и освежают светлыми мыслями: «...ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним...» -Новый Завет:

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,

Данная книга – это кропотливый труд, для воплощения которого пришлось глубоко изучать и осмысливать множество вещей из творчества Пушкина, имея желанием заставить мыслящих читателей переболеть глубиной мысли поэта, у которого мечта и сказка, и реальность – все в одном.

Глава. Он царил над куполам Руси

Пушкин проявился как истина, не имеющая даты рождения. Вне времени. Как попытка поймать неуловимое и ускользаемое, проходящее по линии священного предания: жизнь, смерть, Бог.

Словно приоткрывается колдовской занавес, чем – то напоминающий Млечный путь: красивый и неповторимый, в котором есть некая тайна, притягивающая и завораживающая; ввысь мысль и взгляд человека уводя, прямо и стройно, на вид всей Вселенной, к ее заповедному дару, безнадежно вечному, томимому сердце и вызывающему интуитивно душевный трепет – Жизни и Смерти:

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;

Глава. Он защищал цивилизацию

Он стал Победителем на все времена. Македонский одерживал победы на физических полях сражений, а он – на полях душевных.

Пушкин это понял и этим воспользовался: *«Мой ум упорствует, надежду презирает...»*

Для него, прежде всего, существовал человек – живой, антропофил, конкретная явь сущего и – земля, геофилия, на которой он работает. Дабы однажды, канув в Лету, смотреть прашуром с небес на мир землян.

Печать исторической эпохи лежит на всех делах Пушкина: обычный человек с его естественным стремлением к счастью, наслаждению и беспощадная страсть к творчеству; порой она сводит на нет все личные желания...

В поэзии – божественный, мудрый и сердечный. Явления, протекающие энергично и постоянно в его собственной натуре, вместившей не только мир русского, но и человечества русского.

Да, музе своей служил всегда с чувственным благородством; всю свою короткую мятежную жизнь стоял перед Ней в почетном карауле и выплатил сполна дань всем великим явлениям, образам и мыслям, всему тому, что чувствовала и вынашивала в себе Россия. Так свежо и целомудренно страстно им произносилось и горячо объяснялось.

Он не имел поражения, потому что защищал Цивилизацию. Идею мира. Пестовал будущее. И никто уже не сбросит его с пьедестала триумфатора, пьедестала властителя дум.

Такой силы воли и такого безбрежного воздействия на пробуждение, ум и совесть человека Россия не знала, не видела и не чувствовала еще! Физическая реальность, но «бесконечная», «бессмертная», «нет вообще подобия».

Незаменимых нет, но есть неповторимые. —

Пабло Пикассо

Его нельзя заподозрить в неискренности, в добывании славы наигрыванием на худших струнах человеческого сердца. История его тревожной души и судьбы есть история падений и восстаний – веры и отрицания, добродетелей и пороков, любви и разочарования, легкомысленной игры и глубокой серьезности, что и отразилось в сочинениях поэта в глубоких и ярких красках.

Можно смело утверждать: тот, кто взял в руки стихи Пушкина, у того навсегда исчез безмятежный свет в глазах, ведь не только все святые, но и сами духи ада, прислужники однажды воцарившего на земле нечистого, разверзшие врата бездны, внемлют царственным звукам поэта, а по его неровным дорогам и оврагам бродят, не смыкая глаз, бешеные волки и воют химеры Собора Парижской богоматери. И, как робкий росток первоначала личности, пробивается в душу нам пестернаковское: *« О совесть,... Я б итурмовал тебя, позорище мое!»*...

Будут вечно звучат строки стихов Пушкина. Похожие на сон, в котором идиллия и мираж одновременно... И под солнцем, и под вьюгой, и под снежными бурунами, и когда проясняется восток, и когда запылает запад... очаровывая, возбуждая любить больше, любить тоньше... в условиях сегодняшней суетности принимающее редкое, сродни космической метелице и звездному водопаду, чудесное, сказочное проявление, и напоминающее: *«Пока мы откладываем жизнь, она проходит»*.

Этого пьянящего шипящего словесного изобилия, когда поневоле русский человек сам начинал думать яркими образами, возвышенными эмоциями, чувствовать «кончиками пальцев всю красоту мира» и говорит... стихами.

Его лирой была потрясена вся Русь.

Пушкин сделал русское слово последним шансом на обновление и страсть, и тем ключом, который открывает врата нашей истории и надвременного бытия. Этим русским словом, как самой грозной и безмерной силой, Пушкин опоясал границы нашего земного бессмертия.

Сильное, ритмически выдержанное, победительное русское слово, и при том – проникновенное, трогательно и задушевное.

Для окружающих он был неудобным. Во всех смыслах. в 37 лет не иметь ни приличной работы, ни приличной должности, пребывать в долгах. Позор своего рода. Не сумевший встроиться в жизнь общества.

Он некрасив, но добр по – христиански. Он умирает, но просит не мстить убийце. Он гоним властью, но способен радовать всю Россию... очень жизнелюбивый в своём изысканном поэтическом многоголосье.

Схожий в своей жизнерадостности с ярким желтым букетом Подсолнухов Винсент Ван Гоги.

Он не побоялся закрыть глаза на свою непохожесть и неудобность для других и пошел путём Сердца. Чтобы однажды принести столько радости другим, что никому в его роде и не снилось.

Никогда ни на кого не надеялся, никогда ни от кого ничего не ждал. Не искал оправдания, не винил других за свои ошибки и свои недостатки. Не жаловаться на качество жизни. Просто взял и сделал все сам.

Он – посланник красоты и поэтической гордой лиры. В его руках – волшебное перо. Строки переливаются лунным светом – то вечность делится своими секретами и тайнствами. Стихи льются надеждой. Надеждой предстоящих встреч и новых мотивов. Словно несут в сердца мир потаенных снов. Любовь и верность в каждой лирической нотке.

Как и у Леонардо да Винчи и Федора Рокотова, его женщины словно покрыты легкой дымкой тайнства и загадочности:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Тончайшая работа души. Тончайшая градация оттенков эмоций создает эффект трепетания чувств мужчины.

Да, наплывают видения, что улыбки и правда у женщин Пушкина прекрасны. Легкие и скромные. И взгляды у избранниц поэта спокойные и мягкие. Как будто на этих строчках остались их души:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Они смотрят на нас, как смотрит помещица Струйская в дымчатом и горчичном цвете на картине Ф. Рокотова.

И до Пушкина тоже старались душу женщины показать. Но как -то без трепета. Застывший полет красивой бабочки. Пусть и нарядный, но бесчувственный, лишенный томительных мотивов. Это все равно что смотреть на картину Пьетро Ротари. (*Портрет Воронцовой*)

Не получалось у них того внутреннего мира, какой получалось раскрыть Пушкину!:

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Поэт и мечтает, и плачет сердце читателя, и тает, полнясь стихами, звучащими на волне небесной тонкости и красоты...

Легкий светлый стиль, словно в жаркое лето июля ковш с холодной водой опрокинул на голову, или ветерок весенний влетел в окошко и смел старые уставшие чувства и ощущения, или конек – горбунок своими загадочными глазами в душу заглянул!

И лирика переливается всеми цветами радуги, словно муар.

Лира поэта переносит меня, читателя, в какие – то другие принадлежности души, другие внутренние опоры, мне под влиянием такой поэзии кажется, что я ощущаю то, что собственное свое привычное положение покинул. Я вдруг начал понимать то, чего я не понимаю; начал понимать, зачем мне надо понимать и мочь то, чего не могу.

Эта поэзия безнадежно проникновенная, красиво и непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал стихи. Я, читающий поэтические строки, чувствую, как стихия моей души выносит меня из забвения и уносит в мир чувствований, и я сливаюсь с ним. Из отчаянного грешника современности, обуреваемого всевозможными недугами, я становлюсь существом порядочным, годным на какое – нибудь духовное... наслаждаюсь, живу, люблю, мечтаю и хочется утонуть в этих строках, и так и плыть по волнам своей памяти:

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм.

Душевно! Прекрасно! Светло! Легко! Уютно! Нежно! Глубоко!

Благодарю Бога, что он подарил нам талант, написавший такие изумительные стихи. И рад, что есть люди умеющие чувствовать и понимать прекрасное...

Глава. «И это все о нем!?!»

Великий мирянин России, ее поэтический пророк, вечно присутствующий в нашей жизни; живой, как ртуть, кудрявый ясноглазый человек, одетая в гранит задумчивая фигура которого возвышается на собственном духовном пьедестале: *«но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал»*.

Это великая история о том, как одна лира может быть громче всех голосов эпохи. Изумлять и колебать ярые убежденности. Поражать смелостью. Стать окном в инобытие, хотя держать себя в настоящем...:

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своей;
Смотри: бесценный дар она...

Он был правнуком раба, «Потомок негров безобразный», внуком помещика – деспота, нелюбимым сыном в семье. Молчаливым увальнем в малолетстве, *«...повеса вечно праздный»* в юности и вдруг ...преобразился в живого, как ртуть, как электрические искры, Демидурга А потом... еще и провидческий дар!

Ему было больше двенадцати лет, когда галлы Наполеона шли по России и рвались к Москве: *«Я пришел, чтобы навсегда покончить с этим колоссом варваров»* (Наполеон).

Ему еще не исполнилось полных тринадцать лет, когда император Александр I *«...взял Париж»*.

Пережил казнь декабристов на 11 лет, а земную жизнь Христа эпохи феюмских портретов всего лишь на 5.

До смертного часа верил в предсказание гадалки, хранил в себе стихию Алеко и боялся умереть в нищете.

Он умер, когда старшему ребенку было пять лет, а младшему – восемь месяцев.

Он не станет дедушкой и не будет знать, что Наталья выполнить его просьбу, не выйдет «замуж за оболтуса» и семь лет будет хранить обет безбрачия, император Николай I погасит все его долги собственными деньгами и издаст первое собрание сочинений поэта, а друзья передадут Наталье 50 000 рублей.

Видел он трех русских царей: первый велел снять с него картуз, и пожурил его няньку; второй его не жаловал; третий упек его в камер-пажи под старость лет.

На него устраивали гонения, а обеспеченные граждане России призывали его к своим дворам, где не обновка и польстительные речи, а талант имел вес.

Пребывал ссыльным, поднадзорным, наводнившим богоспасаемый Петербург возмутительными строчками. Вызывал и споры, и раздражение, и восхищение. Эмоциональный, взрывной, яркий... или сразу очаровывал, или отталкивал раз и... надолго.

Высвечивал зримым оком изнанку обыденного мира, отыскивал в житейских вещах ту силу светлого смирения, которого праведники ищут в вере, а грешники – в покаянии.

Предполагают, что поэт был масоном. Как Моцарт. Как Гете, царедворец, управляющий Веймарским герцогством. Не отступился от декабристов и не выдал их, не проронил ни слова о своей масонской деятельности, унес в могилу.

Его терзала цензура, мучили заботы о хлебе насущном, он не путешествовал по Европе, он не был свободным гражданином.

Он ходил с тростью, на которой возвышался массивный набалдашник – так тренировал руку для верного пистолетного выстрела.

Власть для него выражали сыщики Бенкендорфа, доносители (даже отец!), отлучения от столицы, ссылки и изгнания... и виселица, на которой были казнены пять друзей, и сам Государь – его личный цензор, порой понимающий, позволяющий, но чаще – жестокий запрещающий, высылающий.

Он никогда и никому не мстил. Федор Тютчев усмотрел в «Пророке» кощунственную претензию и разразился стих – пародией. А Пушкин в ответ напечатал в своем «Современнике» подборку стихов своего недоброжелателя – оппонента. Солнце не мстило.

Не было у него никогда и жажды мести. На вопрос, что передать своему убийце, он отвечает секунданту: «Требую, чтобы ты не мстил за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христианином!»

Кюхельбекер в бешенстве стреляет в друга с пяти метров, целясь в голову, промахивается... Пушкин отправляет пулю в воздух, весело уговаривает: «Кюхля, пошли пить чай»,

Истинно «не помня зла», поэт прощает Александру I «неправое гонение»:

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж; он основал Лицей.

Глава жандармерии Бенкендорф направляет сыск в ложное место дуэли, тем самым не дав полиции возможности воспрепятствовать дуэли.

Красавица жена Наталья в пятом часу пополудни проезжает мимо и, о Боже, случайно отводит взгляд в сторону, когда ее карета равняется с каретой мужа, спешащего навстречу смерти...

Он дрался на дуэли за Черной речкой среди белого дня, у Комендантской дачи, посреди заснеженных аллей и деревьев, почти у всех на глазах, а погребен был втайне, вдали от столицы.

Распятие в конце пути (Черная речка как пушкинская Голгофа) – высшая точка, блистательный апогей земного пророка и гения, обдуваемого ветрами искушений, потрясений и свободы.

Не боялся смерти и прямо смотрел в лицо нависающей угрозе... Да, он не безгрешен. Поэтому нужно поторопиться. Ещё есть шанс попасть в Рай. Достаточно вещего сна накануне смерти и капельки слезы Натальи, ее трогательного нежного взгляда. Прощального. И она поможет ему в этом. Будет рядом как Мадонна. «Мадонна поэта Пушкина», скитальца по миру с русской душой.

Испытывая тяжкие боли, сдерживает стенания, чтобы не тревожить жену и друзей, благословляет детей, вызывает свою исповедью слезы умиления у старца – духовника.

В последние минуты жизни жена кормила его из своих рук, прикикая лицом к челу умирающего мужа, он ел морошку, гладил ее по голове и говорил ясно: «Ах, как это хорошо»... агония была мгновенной, чуть внятно прошептал: «Прощайте, прощайте», – и тихо уснул навсегда... как и «слепец хиосский», умер странником.

Последние слова Пушкина, записанные Жуковским, «слова высшей точности»: («Кончена жизнь». «Жизнь кончена!»):

Потрясенный Жуковский писал:

«... Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо... Никогда на лице его не видел я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли... Таков был конец нашего Пушкина»

Три слова из Онегина, три страшных слова, но сколько силы и значения они несли:

Ну что ж? Убит!

Пушкин в грядущем не сгинул. Так и остался в нем, с лирой воздушной, легкой и стилем выверенным, строгим и мудрым.

Его поэзии не к лицу были кружева, пудра и румяна.

Он воспринимал жизнь как невольное сожительство Веры и Знания, как дуалистическим сбор всеядных Иерусалима и Афин, а потому наполнял емкость жизни страстью, драмой и трагедией. Он переносил на свои страницы куски этого ристалища, как их преподносила жизнь, ничего не смазывая, не причесывая и не сглаживая. Не стесняясь, тут же, на страницах, плакал и восхищался, бичевал и весело хохотал, любил и негодовал, клялся и отрекался: то поляна, вся в цветах и солнце, то вдруг лунный свет, сгустившийся и вместо росы упавший на траву и листья. Солнечный луч среди зимы, маячок в ночи и во всех стихах – свидание с Богом, Раем, таким безбрежным, бесконечным, безопасным:

Душе настало пробужденье
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье
Как гений чистой красоты
И сердце бьется в упоенье
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье
И жизнь, и слезы, и любовь

* * *

Он умел читателя заставить трепетать перед Красотой мира, ощущать его безмерность, его величие, и – он же проникает в глубь человека, и потому заставляет читателя прислушиваться к голосу внутри самого себя, ощутить себя частью «божественного» замысла, подхваченного потом Тютчевым *«Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги – бессмертье их чуждо труда и тревоги»*.

Он учил понять мир и понять самого себя:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.

Строки Шиллера: «Мироздания не конченное дело». Так оно и есть: для Пушкина мир природы и мир людей – всегда был весь динамика, весь становление, весь движение:

Поэзия Пушкина сеет добро каждой строчкой, каждым словом. И наше сердце растет в этом упражнении добра, становясь более милосердным, утонченным, менее эгоистическим личным аппаратом.

Вместе с поэтом будем продираться сквозь дебри действительности, находит себе дорогу среди заросших невежеством тропинок знаний. Взбираться на горные кручи истории, чтобы распознать прошлого пути и рассеять мрак будущего: «Анархии с хаосом мы супротив...». При этом соблюдая три жизненных правила; если вы не сделаете шаг вперед – вы не сдвинетесь с места; если вы не спросите – вы не получите ответ; если вы не попробуете – вы не добьетесь цели:

*Каждый выбирает по себе
Слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
Каждый выбирает по себе.*

На поэтическом плоту Пушкина, (словесная инверсия мифологемы о «плоте Одиссея») мы пересечем воды жизни и истории, которые не просто никто не пересекал, но которые никто так и не видел... но достаточно очевидно и об этом следует сказать: именно так мы можем понять свою глубинную природу, самих себя – только необычное, несхожее с банальным поэтическое озарение способно дать результат. Тот самый, пушкинский: «Жизнь – вот истинная дама сердца».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.